

*Промедиии Великую
Отечественную посыпается...*

**Михаил Григорьевич
Казаков**

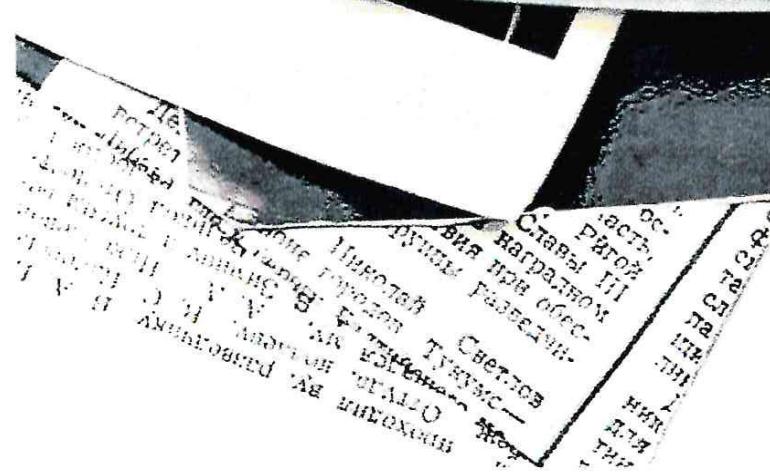
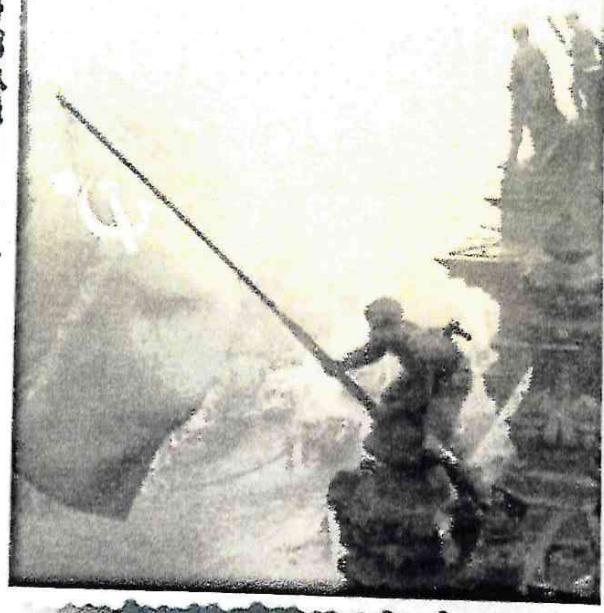
ВЕТЕР

«Новая

День Победы, как он был от нас далек,
Как в костре погибшим пылал уголек.

Были версты, обгорелые, в пыли,
Этот день мы приближали, как моли.

и чьи по
решили
о наши
вногах в
дни в
матчик
масев
засад
зпуши
возду

*Промедиии Великую
Отечественную посвящается...*

**Михаил Григорьевич
Казаков**

На войне как на войне

От автора

Мои детские и юношеские годы, как быстrotекущая река, прошли в родном краю, в Белоруссии. Затем мне довелось жить в разных уголках великой Родины – Союза Советских Социалистических Республик.

Отечизна! Куда ты только не направляла меня, и, как правило, не спрашивая моего согласия, просто говорила: «Надо». И всегда я, как верный твой сын, стремился трудиться во имя Родины, во имя счастья и процветания ее народов, во имя моей семьи.

Отечизна, Родина! Ты всегда была и есть в моем сердце. Ни на секунду я не переставал любить родных, родной край, родной луг да свою хату, которая и сегодня мне снится. Я помню каждый твой уголок, каждую половицу.

Твои поля, Отечизна моя, покрыты множеством курганов – могильников. Они – свидетельство того, что ты была и есть форпост защиты великой русской земли и ее благословий от иноземных поработителей.

Самое великое достояние моей Родины – ее народ. Это он на протяжении многих веков охранял свою родную землю от захватчиков и преумножал ее благословия. Это он победил в самой страшной в истории нашей планеты войне – Великой Отечественной. Это он, взяв в руки оружие, отстоял русскую землю. Это он, днами и ногами работая на полях, кормил воевавших на фронте солдат.

Наши народ перенес огромные трудности и лишения. Они сделали его более трудолюбивым, добрым, заботливым, и не только к своим родным и близким, но и ко всем народам. Пусть же ужасы и лишения Великой Отечественной войны никогда не повторятся. Наши потомки должны помнить о святой войне. Никто не забыт, ничто не забыто...

На Родине

Родился я в 1921 году в селе Ридомля Витебской области. Закончил семилетку и стал работать пионервожатым в сельской школе. Тогда же поступил заочно в педучилище в городе Борисове, что в Минской области.

Пионеров в довоенное время было немного. Принимали только самых достойных. Если в школе половина детей в пионерах – это уже здорово. Обычно меньше бывало. Занимались в кружках самодеятельности. Телевизоров ведь тогда не было, да и кино до нас редко доходило – раз в месяц приезжали из города с таким аппаратом, в котором ручку крутить надо было, чтобы показывал. Да еще без звука. Ну, да мы сами себе артистами были.

Главной работой и задачей наших пионерских отрядов была помочь сельчанам, когда хлеб спел. Комбайнов в то время не было, урожай убирался конными косилками. У нас их лобогрейками называли за тяжелый труд на них. Эти лобогрейки, запряженные в пару лошадей, после себя много нескошенных колосьев оставляли. Пионеры их собирали. И не кое-как. Бережливость не то что в почете – нормой жизни была.

Занимались и военно-патриотической работой. Каждый пионер, как и взрослый, должен был иметь четыре значка. «ПВХО», то есть противовоздушная химическая оборона, «БГТО», значок о прохождении курсов санитарной защиты и «Ворошиловский стрелок». Чтобы получить их, приходилось попотеть. Просто так ничего не давалось.

Через год перевели меня учителем начальных классов в соседнее село. А еще через год, после освобождения Западной Белоруссии и Украины, направили от ЦК на комсомольскую работу в пограничный с Литвой район – Поречье. Создавали там комсомольские организации, проводили первые выборы в Верховный Совет Белоруссии и СССР, укрепляли границу. В нашу задачу входила и подготовка пятикилометровой зоны. Жителей переселяли в другие села, уговаривали, говорили – надо.

А осенью 40-го меня призвали в армию.

Изменение в жизни...

Служить я попал в Ташкент, в авиационные войска, рядовым. Обслуживали самолеты, охраняли их. За дисциплиной следили строго – за малейшее нарушение Устава наказывали. Чуть что, честь, например, не так отдал – тут же наряд вне очереди, а то и на «губу».

А уж как физической подготовкой занимались, какие марш-броски совершали – никогда не забуду! Средняя Азия, жарища, а мы в полном снаряжении – шинель в скатку, противогаз, лопата саперная, оружие – по

20-30, а то и 40 килограммов – бежали. Выматывались до последнего. Падали, вставали и опять – вперед.

Кроме того, каждый четверг был у нас «сухой день». Проходил он всегда по одному сценарию. Утром в столовой получали по куску жирной – какой жирной! – такой сейчас нет, селедки, немного каши, стакан зеленого чая. Это был завтрак. На обед брали с собой сухой паек: 2-3 сухарика, брикет каши, наполняли фляги тем же зеленым чаем – и в поход. Во время похода водой пользоваться запрещали. Если совсем невмоготу, из фляги немного глотнешь. Но и то стараешься поменьше. Вечером старшина строит нас и палец во фляги сует. Достанет до чая – молодец, умеешь экономить. Не достанет – грош тебе цена...

В последнее время все говорят, что СССР не готовился к войне. И потому нападение гитлеровцев на нашу страну стало для всех большой неожиданностью. А я видел, как СССР готовился, на своей шкуре испытал. И война меня там же, в Ташкенте, застала. Через несколько дней после ее начала я вступил в партию. Коммунистов на фронт брали быстрее.

Но вместо фронта в сентябре 41-го отправили меня на формирование лыжной бригады в Барнаул, в Алтайский край. Там мы получили уже другую закалку – холодом.

Жили в землянках, а как ударили морозы, выпал снег, в землянки стали приходить раз в десять дней – помыться, белье постирать. Все остальное время – на занятиях, под открытым небом. Учились искусству военной разведки. Каждый день на лыжах по 10-15 километров. Мороз под 40, а мы без перчаток – не разрешено, «уши» на ушанках не опустишь – запрещено. Чтобы предупредить обморожение на лыжах ходили попарно. Когда в лесах ночевали, шалаши делали, а нет – спали прямо на снегу. Все как в боевой обстановке.

Я тогда думал: зачем такое издевательство над нами? Только позднее, на фронте, понял, что не зря эту школу прошел, еще как все пригодилось.

Мне 90 лет, но до сих пор та подготовка сказывается – морозов не боюсь.

Бейте врага сильнее!

Мои родители остались в Витебской области и оказались в оккупации. Писем ни от кого я не получал. Психологически было тяжело. И вдруг однажды мне вручают посылку. Ни имени, ни фамилии на ней не написано, просто: «Разведчику». Открываю, а в ней две пачки табака, несколько кисетов, несколько платочеков, носки, перчатки. И письмо, где написано, чтобы мы, воины, были врага сильнее, а они в тылу во имя победы будут трудиться еще лучше. Письмо было из Иваново, подписано женским

именем. К сожалению, уже забыл его. Мне было приятно прочитать такое письмо, и я написал ответ. Мы обменялись несколькими письмами. Ближе к концу войны получил последнее письмо, в котором автор призналась, что старше меня на 20 лет, а писала мне потому, что почувствовала, что я нуждаюсь в поддержке.

А я уже успел в нее влюбиться и представлял, как мы встретимся после войны. Молодой ведь был...

Разведка

В феврале я попал под Тулу, в 28 лыжную бригаду, в разведроту. Началась фронтовая жизнь.

Наши подступали к Курскому. Мы двигались впереди главных сил, разведывая расположение противника и передавая, куда положено, полученные данные.

С одной стороны, жизнь была однообразной. Получил задание, пошел, разведал, доложил. «Языка» надо – взял, привел. А с другой...

Вспоминается мне такой случай. Во время наступления в Брянской области наша разведрота – человек 60 – дошла до одной деревеньки. Все тихо. Так и доложили. В ответ получили приказ отойти назад на 10 километров. Утром отправились в обратный путь. Километров пять прошли, когда догнали нас двое всадников. Говорят, в деревне, откуда мы только что ушли, появились немцы, начали грабить, скот уводить, расстреляли семью, помогавшую партизанам. Мы даже растерялись, ведь только полтора часа прошло, как оттуда.

У нас командир роты грузин был. Кровь горячая.

- Слышали? – спрашивавший.

Построил нас в цепь – и айда в наступление на деревню. А мы же не пехота – разведка. У нас ни одной гранаты и всего по несколько патронов к автоматам на каждого. Но немцы, увидев нас, из деревни ушли.

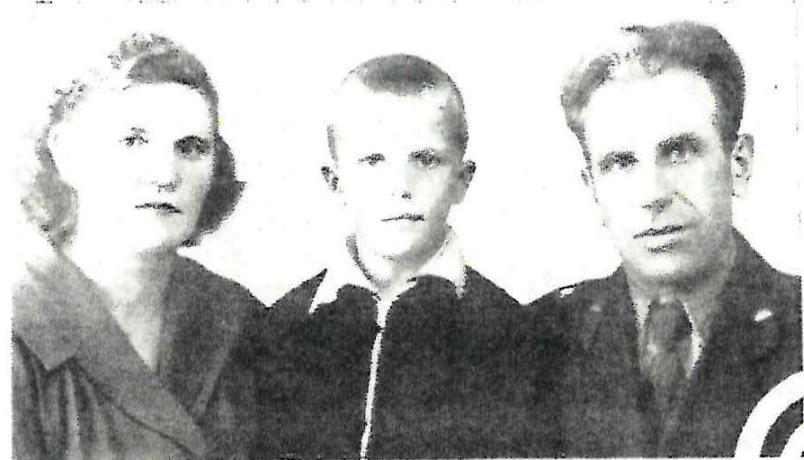
С полчаса, наверное, прошло, кто-то на двух санях едет. У первого дома остановились, вошли. Мы за ними: «Хенде хох!».

Те в это время допрашивали нашего пленного. Сразу сдались. Оказалось, не фрицы – мадьяры. Они рассказали, что скоро в село войдет немецкий санный батальон, вооруженный пулеметами и артиллерией.

Что делать? В деревне – одна улица. Решили устроить засаду. Спрятались кто за домом, кто за сараем. Ждем.

Скоро немцы появились. Колонна длиннющая. Когда саней 20 в деревню въехало, у одного из наших – молодого парня лет 20-ти – нервы не вы-

держали. Стал стрелять. Немцы по нему. Сразу убили. Тут и мы вступили. Всех, кто в деревню вошел, постреляли. Остальные отошли, укрепились и открыли минометный огонь.

Утром мы взяли «языка». Оказался разведчиком. Рассказал, что мы за несколько минут положили почти сотню фрицев. А у нас – один убитый, тот парень, который не вовремя выстрелил.

Это случилось в феврале 43-го. Но не всегда удача на нашей стороне была. Держали оборону. Тогда в нашей роте людей много было. И потерять много. За один только день 90 человек погибли. Нашей основной задачей в тот период были «языки». Но однажды один взвод послали в тыл противника. Не вернулся. Послали наш взвод – человек двадцать. С того здания возвратилось нас пятеро – командир и четверо солдат. Повезло из засады живыми выйти. Выползти...

В тот же день на правом фланге фашисты минометным огнем уничтожили целый батальон – 480 человек. Ни один не остался в живых. А вечером немцы пошли в наступление. С танками, огнеметами. Силы были неравными. Мы отошли.

Фашисты захватили знамя бригады. Нас расформировали. Я попал в разведроту 115-й отдельной стрелковой бригады 65-й армии.

Стояли мы между Курском и Орлом. Как потом оказалось, на правом фланге знаменитой Курской дуги. Немецкие войска армий «Центр» и «Юг» готовились к масштабному наступлению. Стремились взять реванш после неудачи в Сталинградской битве.

Наши готовились к обороне, и, естественно, требовались самые подробные данные о противнике. Главный вопрос – когда фашисты собираются атаковать. Поэтому мы, разведка, постоянно ходили за «языками». Но ведь это не по грибыходить, далеко не всегда с удачей возвращались.

Был у меня тогда друг, Александр Марченко, родом из Новосибирска, учитель. Мы в разведку всегда в паре ходили, в группе захвата.

Однажды, в начале июля, как раз перед наступлением фашистов, наш взвод получил очередной приказ добыть «языка». Мы с Марченко три дня наблюдали за одним из ДЗОТов противника. На четвертые сутки, как стемнело, отправились туда. Нас двое и еще девять человек поддержки.

Вылезли из окопов и ползком к переднему краю. А до него километра два, не меньше. Только к часу ночи добрались до немецких траншей.

Надо сказать, что они свои траншеи оборудовали гораздо лучше, чем мы. На совесть все делали, надежно. Каждая траншея глубиной два метра, с крытыми ячейками, брустверы укрепляли досками.

Доползли. И тут командир наш, лейтенант Белан, как будто почувство-

вал что – дал команду отойти. Приказ есть приказ. Ползком отправились обратно. А на нашем пути, на нейтральной полосе, было такое место – все в буграх и кустарником заросшее.

Ночь. Ничего не видать. Мы к кустам подползаем. Белан опять команду подает: «Приготовить противотанковые гранаты!». Еще команда: «Огонь по кустам!».

Шестое или какое там чувство разведчика сработало. Как он догадался, что тут нас поджидает засада? Позднее выяснилось, что не только мы за противником наблюдение вели, но и он за нами. Вражеская разведка все видела. И на пути нашего отхода засаду устроила.

Гранаты сделали свое дело. Началась перестрелка, бой на нейтральной полосе. В таких случаях – а случай нечастый – основные силы не вмешиваются. Куда стрелять? Поди разберись... Две разведки схлестнулись.

В том бою нам удалось захватить одного немца. Здоровый фриц. Но приклад свое дело знает. Схватили мы его – кто за руки, кто за ноги – и в свою сторону.

Чуть подальше набрели на второго, раненного. Ему пуля в глаз попала. Тоже с собой взяли. Этот раненный сопротивления никакого не оказывал, сам всю дорогу полз. А здоровый все время вырывался, орал. Ну, и досталось ему, конечно, крепко досталось.

Когда к своим окопам подползли, глядим – умирает здоровяк. У нас воды – ни капли. Так и помер. Зато раненный такие ценные показания дал, что нам за него благодарность объявили. Все рассказал: и что их войска в нашем районе концентрируются, и что танковые части подтягиваются, и что минные поля изучаются. Одним словом, немцы на нашем участке готовились к серьезному наступлению.

Предатель

Но радость наша по поводу того, что удачно выполнили задание, была омрачена. Возвратившись, мы недосчитали одного человека, ординарца командира роты рядового Афанасьева. «Ну, все, – думаем, – убили его во время перестрелки или еще хуже – ранили, достанется теперь фашистам на муки». Жалели. Хороший был парень Афанасьев.

А знали мы о нем вот что. Прежде чем попасть в разведку, служил Афанасьев в штабе бригады ординарцем начальника политуправления. Хорошо служил, преданно. Начальник болел, так Афанасьев специально для него корову раздобыл. Сказал, что в деревне у бывшего полицая отобрал. Держал ее у штаба и поил командира парным молоком. Заботился.

Хорошая у него была должность, свободная – делает, что хочет, ходит,

где вздумается – кто его остановит? Потом ни с того ни с сего попросился Афанасьев в разведку. Перевели его. Ведь не в тыл просится – на передовую. Стал он ординарцем командира нашей роты.

У нас он служил недели две-три. И за это время полюбили его солдаты. Афанасьев действительно оказался очень заботливым человеком. Пока мы на задании, он по лесу ходит, голубей стреляет. Много настреляет, поджарит.

Мы возвращаемся, а он нам этих голубей на подносе – румяных, с хрустящей корочкой. А с голубями этими и положенные боевые сто граммов...

На то задание, когда мы его потеряли, Афанасьев впервые в разведку пошел. И вот...

А через сутки немцы ураганный огонь по расположению нашей роты и артиллерийским частям не только нашей бригады, но и всей армии открыли.

У нас в роте 12 человек погибли, здорово досталось и артиллеристам – многие огневые позиции были разбиты.

Это на рассвете случилось. А ближе к полудню, часов в 10, вдруг слышим, как наш Афанасьев в рупор с той стороны орет: «Я здесь! Меня приняли хорошо! Сдавайтесь! Пароль такой-то».

Видать, давно готовился Афанасьев к предательству. Должность ординарца позволяла ему бывать во многих частях, беспрепятственно проникать туда, куда другим вход закрыт. И в разведку попросился он неслучайно. От нас бежать было удобнее всего – мы всегда у немцев под самым носом ползаем.

А может, его еще раньше завербовали? Теперь уж этого не узнать...

Обидно, что в последнее время таких предателей, как Афанасьев, из-за которых погибло столько людей, оправдывают и ставят в один ряд с теми, кто попал в плен не по своей вине – или раненный, или из окружения...

Прошу снайперов исключить из списка

Вскоре немцы начали наступление. Они обошли нас с правого фланга и отрезали нашу часть от основных сил. Мы оказались в окружении.

Фашисты из самолетов забросали нас листовками. Одни были от немецкого командования, другие подписаны командующим так называемой «Русской освободительной армии» генералом Власовым и его начальником штаба генералом Малышкиным.

Предлагали сдаться. Гарантировали жизнь. Но у нас случаев, чтобы кто-то сложил оружие, не было. Напротив, в первые два дня боев в нашей

роте все – от солдата до офицера (около ста человек) подали заявления в парторганизацию. Одни просили принять в партию, другие просто писали записки: «Если погибну, прошу считать меня коммунистом».

Я в то время был парторгом. Помню такой случай. Командир взвода сержант Уткин обещал дать рекомендацию солдату, но был смертельно ранен. Истекая кровью, умирая, он написал на листке бумаги: «Рекомендация. Я, Уткин, рекомендую рядового...» Не дописал. Не успел. До сих пор у меня перед глазами тот окровавленный клочок бумаги...

Партия в то время, особенно в войну, действительно была передовой. Только самые достойные становились ее членами. А единственной привилегией коммунистов тогда была возможность сражаться на самых ответственных и опасных участках.

Через два дня фронт расширился. Наши части отступали. Разведка прикрывала отход. Из ста человек остались восемь. Ни в одной части не было таких потерь, как у нас.

Естественно, что заявления о приеме в партию в такой обстановке не рассматривались. Все они, вместе с записками с просьбой считать коммунистом, были переданы в штаб. Что с ними стало потом, я не знаю. Да и кто может сейчас сказать об этом наверняка?

Соловьи

Как бы на фронте тяжело не было, а песни мы петь любили. Был в нашей роте командир взвода химической разведки Бойков. Очень красиво играл на гармошке и пел хорошо. Каждый раз, когда с задания возвращался, доставал он свою гармошку и пел «Соловьев».

А возвращались мы редко без потерь. Сначала похороним товарищей, а уж потом поем: «Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат, пусть солдаты немного поспят...»

Тяжело...

Последняя разведка

Бои продолжались до конца августа. Нашу роту в очередной раз пополнили.

В сентябре меня вызвали в штаб армии и сказали, что направляют учиться на офицера: «Военных навыков тебе не занимать, а война еще будет продолжаться. Пора».

Расставаться с друзьями было нелегко. Они обо мне, наверное, по-разному думали. А с другой стороны – перспектива на какое-то время оказаться подальше от смерти. Душа разрывалась.

Накануне отъезда пришлось мне еще раз – последний – сходить на задание. Нужно было притащить «языка».

Командиром группы назначили моего друга Марченко. Дали одного сапера и десять «штрафников».

Задание было такое: подбираемся к ДЗОТу, а когда «штрафники» забросают ее гранатами и оттуда выскочат немцы, хватаем первого попавшегося и возвращаемся. Ничего особенного. Пошли.

Сапер ползет впереди, обезвреживает фашистские мины. За ним – я с Марченко. Остальные десять – сзади.

Добрались до переднего края и здесь, в траншеях, напоролись на вражеский огонь. «Штрафники» побежали назад. Мы с Марченко, прихватив одного нашего раненого, тоже поползли назад. Но немного проползли...

Немцы открыли артиллерийский огонь. А наши, увидев возвратившихся «штрафников», решили, что разведка отошла, и стали обстреливать передний край противника. Мы оказались под двойным огнем – и своих, и чужих.

Меня контузило, раненного убило. Другу моему Марченко осколком снесло часть головы. Позже наша разведка подобрала нас троих.

Уезжал я с тяжелым камнем на душе.

Потом Саратов. Военное училище. Год учебы. Лейтенантские погоны.

Потом город Теньково близ Иваново. Десантные войска. Готовили группы для заброски в тыл врага.

В ВДВ прослужил до 49-го года. За два года до этого принимал участие в испытаниях парашюта ПД-47. Целый месяц испытывали, каждый день прыгали. За это был награжден Орденом Красной Звезды.

Потом Забайкалье, танковые войска. Пришлось осваивать и эту технику.

Только в 1971 году ушел я в запас. 30 лет пролетели на службе. Много чего было за это время. Но самыми яркими, горькими и незабываемыми были и остаются годы войны.

Они давно прошли, но до сих пор живут в душах ветеранов. Живут и в моей...

*Бывший разведчик, полковник в отставке,
Почётный гражданин города Нижнекамска
Михаил Казаков*

Михаил Григорьевич Казаков родился 5 июня 1921 года в селе Ридомля Толочинского района Витебской области. Воевал в 28-й отдельной лыжной бригаде, 115-й стрелковой бригаде 65-й армии, на Центральном фронте, был войсковым разведчиком. Закончил войну на Курской дуге. После войны служил в 24-й воздушно-десантной бригаде и 331-м парашютно-десантном полку. Совершил 150 прыжков.

Полковник в отставке, участник трех победных парадов. Долгое время был председателем Нижнекамского Совета ветеранов войны, труда, Вооруженных сил и правоохранительных органов, Почетный гражданин города Нижнекамска.

Награды:

- Орден Великой Отечественной войны 1 и 2 степеней
- Два Ордена Красной Звезды
- Медаль «За боевые заслуги»
- Медаль «За воинскую доблесть»
- Медаль За верность службы Родине»
- Почетная грамота Верховного Совета РТ

